

С. В. Герасимов

**Постсекулярность как индикатор расширения
и смены концепта реальности**

В статье рассматривается расширение понятия «постсекулярность» на все виды человеческой активности, выходящие за рамки дискуссии религии и философии. Развитие постмодерна в различных областях дошло до многих сфер современной цивилизации, разрушило сложившиеся каноны в концепции реальности эпохи модерна. В работе предлагается проследить историю развития секулярности с Древнего мира, так как, согласно предположению, там находятся некоторые причины современной смены мировоззренческих концепций. Наблюдая процессы в большом временном промежутке, возможно, удастся определить основные тренды развития цивилизации в сторону ответственных публичных коммуникаций.

Ключевые слова: *постсекулярность, кризис, понятие реальности, вера, религия, знание, генерация чувств, опыт.*

S. V. Gerasimov. Post-secularity as an indicator of the expansion and change of the concept of reality.

The article deals with the expansion of the concept of postsekuljarnost on all kinds of human activity, which go beyond the discussion of religion and philosophy. The development of postmodernism in various fields reached many areas of modern civilization, destroyed the established canons in the concept of the reality of the modern era. The paper proposes to trace the history of the development of secularity from the Ancient World, since, according to the assumption, there are some reasons for the modern change of ideological concepts. Observing the processes in a large time interval, it is possible to identify the main trends in the development of civilization in the direction of responsible public communications.

Keywords: *postsekuljarnost, crisis, the concept of a reality, belief, religion, knowledge, generation of senses, experience.*

Современное общество XXI века продолжает попытки описания и диагностики собственного мировоззрения. Среди прочих причин одним из вызовов современности является постсекулярный характер концепта реальности, дискуссия о котором идет в последнее время. Большая часть авторов рассматривает концепт постсекулярности как кризис модерна, наступление периода стагнации развития философии и теизма, их взаимных претензий.

Еще недавно, рассматривая проблематику самоидентификации постсекулярного общества, исследователи фокусировали ее как проблему взаимоотношений философии и теологии на поле социологии и политики. В этих рамках и шло выяснение трансформации секулярного общества под давлением фактов [8, с. 3—32]. На сегодняшний день проблемная зона стала шире, затронула проблему самого дискурса и ответственной публичной коммуникации.

Рассматривая постсекулярность как концепт реальности, можно заметить, что начинался он как попытка создать теоретическое описание процессов в сферах, связанных с кризисом модерна. Постсекулярность как разновидность постмодерна рассматривается во многих трудах современных ученых, на которых далее мы остановимся подробнее. В современных условиях постсекулярность вышла из узких теоретических рамок, становится идеей, мотиватором для поступков, оправданием действий. Теория постсекулярности формировалась на работах Юргена Хабермаса, Джона Ролза, Квентина Мейясу по определению постсекулярного пространства, в котором должны интегрироваться противоположные начала религии и философии. «Как мы должны понимать свою роль в качестве членов постсекулярного общества и чего ожидать друг от друга, если мы хотим обеспечить в наших исторически прочных национальных государствах цивилизованное обращение граждан друг с другом, несмотря на беспрецедентное разнообразие культур и религиозных мировоззрений?» [9].

Необходимо совместно с возможными решениями рассмотреть проблему коллективной ответственности за то, с чем мы выйдем из этого кризиса. Различные варианты его развития сейчас приносят беспокойство. Например, радикальный религиозный экстремизм как результат повторной сакрализации, которую сдерживало секулярное общество, с одной стороны. С другой стороны, сфор-

мировалась проблема перехода в общество потребления и гиперпотребления, лишенного многих этических и моральных паттернов, что не менее опасно и для культуры, и для цивилизации. Ситуация потери границы в терминологии Адриана Пабста [19] называется «постчеловечность». Она характеризуется вытеснением моральных норм под воздействием маркетинговых технологий. Современные транснациональные фондовые, валютные и ресурсные рынки, современные международные отношения не оставляют пространства для религии и всего трансцендентального вне рамок сферы культуры. Маркетинговые, политические и гибридно-информационные войны создают свои мифы, свои реальности и свои религии. Постсекулярность становится синонимом постмодерна, порождая турбулентность в СМИ и иных пространствах публичных коммуникаций. Подобная турбулентность вызывает тотальное недоверие каждого к каждому, к любым видам рекламы, к политикам, ученым, бизнесменам, актерам и другим медийным личностям.

Рассмотрим некоторые проявления постсекулярного дискурса за последние годы. Даниель Боскальйон описывает проблему постсекулярности как синхронное движение секуляризма и скептицизма в одном культурном поле, с выстраиванием компромиссных коммуникаций, основанных на концепте, который называет «страстный агностицизм» (*Passionate Agnosticism*), корни которого уходят в скептическое сознание. Интересно, что автор соединяет понятие веры и скептицизма как две стороны одного процесса строительства реальности, возможного при отсутствии догматических предубеждений с обеих сторон. Диагностируя кризис, автор предлагает три этапа выхода из него: 1. Расширение концепции Бога до приемлемого для большинства населения, внедрение расширенных определений в публичное и межличностное пространство. 2. Присмотр основ теизма и ввод в них скептицизма для избегания интеллектуального уклона в богословии с использованием в этом процессе категорий «добросовестность» и «недобросовестность». 3. Ввод в социокультурное пространство агитации и пропаганды этой модели, основа для которой должна находиться в кино, литературе, живописи и т. д. [12].

Идею управления социумом с помощью различных механизмов сферы культуры развивают и другие авторы. Например, Йенс Кёрсен пишет о популярности темы постсекулярности, и в этой связи сове-

тует работать с кризисом как с любым быстрорастущим феноменом [15], исследовать процесс и управлять им. Кёрсен не согласен с размыванием понятия религии и Бога, поскольку это в конце пути приведет к тому, что все сущности и все события будут идентифицироваться как божественные, все члены общества станут невольно религиозными в разной степени. Он видит в этом секулярное наступление религии на светскую территорию.

В мировом дискурсе существует рассмотрение постсекулярности как результата развития противостояния утопизма и реализма. Джолион Агар [10] представляет современную ситуацию как возврат и реванш смыслов, зажатых в рамки в эпоху Возрождения, когда, по его мнению, возникшая секуляризация стремилась минимизировать религиозное влияние, сократив его в концепции имманентности и исключив совсем, как, например, в атеизме Феембаха, Маркса и Энгельса. Атеизм, согласно концепту Агара, противостоит гегелевской и постгегелевской теории религиозного, социального и политического развития, основанного на концепте трансцендентности и пантеизма у Тейлора, Баскара и Блоха. Основными причинами постсекулярности называются: разочарование и потеря сообщества, невозможность абсолютной секуляризации, исключение религии из общественной сферы вопреки существующей потребности у части населения [20].

Еще одно направление дискурса, связанного с постсекулярностью, обсуждает проблематику возникновения и разрушения связей в «новом» и «старом» мире. Поиску и систематизации причин от начала Ренессанса до наших дней посвящены работы Хента де Ври; Лоуренса Э. Салливана, Яна Уорда [23, с. 150—151], Жан-Марка Ферри [17], Алессандро Феррары [16, с. 77—92], Джона Бетца [11].

Существует мнение, что постсекулярная реальность представляет собой зародыш новой ступени цивилизационного развития. Этот концепт реальности несет в себе огромный потенциал, состоящий из двух сил, плюса и минуса, между которыми только и возможна жизнь. Эту идею создал и поддерживает Манав Ратти [21], представляющий постсекулярность как нулевую ступень для политической реальности, в которой религиозные и светские силы, договорившись о взаимодействии, начнут трансформировать остальные уровни в социуме. Автор этой идеи рассматривает разрешение кризисов в процессе

создания новой этики через диалог светских ученых с представителями различных направлений формирования религиозных реальностей: анимизма, буддизма, христианства, индуизма и сикхизма. С этой точки зрения концепт реальности имеет ярко выраженный уклон в сторону колониально-имперских предпосылок формирования современного кризиса. Автор вводит понятия «нерелигиозной религии» и «светского секуляризма», с помощью которых возможно построение нового постпостсекулярного пространства с помощью диалога культур. В этой интересной концепции Минав Ратти на анализе работ и выступлений Майкла Ондатье, Салмана Рушди, Шауна Сингха Болдуина, Махасвата Деви, Амитавы Гоша и Аллана Сили пытается решить проблемы постсекулярного кризиса в различных концептах реальности. В его поле зрения попали представители классических авраамических религий, экзотических для европейцев азиатских религий, рассматриваются и реальности фэнтезийных миров популярных литературных авторов и кинодраматургов.

Не остались в стороне и социальные психологи, которые связывали массовый побег населения от проблем, вызванных в том числе кризисом постсекулярности, в фантазийные пространства с различными целями. Основным их аргументом служит гипотеза, что постсекулярные вопросы легко моделируются и решаются в фантастическом пространстве, в утопиях и антиутопиях, научной, лирической, религиозной, исторической и прочей фантастике, которая развивается в соответствии со спросом на эти пространства и концепты. Маркетологи и брендмейкеры также осваивают этот полигон человеческих желаний. Для них он привлекателен возможностью недорого моделировать и исследовать концепты фантазийных реальностей для будущего воплощения. Этим вопросам посвящены работы таких авторов, как Джон Макклур [18], Майкл Робертс [22]. В пространстве постсекулярного дискурса возникли проблемы феминизма и многие другие, появились научные произведения, в которых авторы объясняют множество феноменов различного рода именно наступлением постсекулярности [14, с. 1—24, 13].

Для изучения проблемы всесторонне необходимо рассмотреть предпосылки возникновения не столько постсекулярной реальности, сколько самой идеи секулярности, чтобы не уподобиться мудрецам, рассматривающим слона по частям.

Считается, что секулярность появилась как реакция давления религии на науку в период раннего Ренессанса. Ф. А. Йейтс (F. A. Yates) в своих работах «Джордано Бруно и герметическая традиция» и «Розенкрейцерское просвещение» предположил, что возникновение герметической философии, магии, алхимии в XIV—XVI веках стало причиной зарождения картезианской идеи в науке. В эту эпоху возникла необходимость пересмотра территории рационального по отношению к метафизическому. Их взаимное влияние позже определило и постсекулярность как конформизм и попытку диффузии одного и другого.

Если рассматривать секулярность как систему, разделившую все области человеческих связей, то необходимо обратиться в более ранний период, когда секулярности еще не было. В этом аспекте рассмотрим секулярность с точки зрения ее функциональной разделяющей роли. Можно предположить, что искомый концепт реальности существовал в догреческий период, поскольку был хорошо описан в литературных источниках того времени. Работы, которые были известны в древнем мире, начиная с клинописных произведений III тысячелетия до н. э., трудно разделить на жанры, соответствующие современной культурной традиции, что косвенно подтверждает единство божественного и мирского в концепте реальности жителей Древнего мира. В текстах, которые доступны к изучению, присутствуют расширительные концепты божественного. Например, известное изречение «Нет никого кроме Него», написанное в Торе (Глава 4 стих 35; 1320 год до нашей эры), свидетельствует о том, что в культурно-цивилизационном пространстве Древнего мира был пантеизм, то самое расширительное понимание того, словами Даниеля Боскальйона, что во всем есть Бог. Пятикнижие Моисеево было написано на древнем арамите, языке, который выполнял роль *lingua franca* на территориях от современного Китая до Британских островов на протяжении нескольких тысяч лет. Можно предположить, что единый и неразделенный (несекуляризованный) концепт реальности был знаком многим народам Древнего мира в силу феномена диффузии идей [4].

По гипотезе ряда ученых восточного факультета СПбГУ под руководством академика Б. Б. Пиотровского и академика А. П. Окладникова, санскрит, на котором написаны основные древнейшие памятники индийской литературы, образовался из одного семитского

языка (предположительно из арамитов) путем добавления гласных [1, с. 369]. Пантеизм в различных видах популярен во многих религиозных культах Юго-Восточной Азии.

В объединенном концепте реальности Древнего мира не существовало никаких антропоморфных божеств. Более того, существовал запрет на создание любых идолов, способных редуцировать божественное до состояния человеческого. «Да не будет у тебя богов других перед лицом Моим» (Шмот, 20:2, 3). Задача древнего человека была уподобиться Богу, формируя и развивая у себя божественные свойства. Антропоморфные божества появляются позже с развитием торговли. Именно тогда возникает идея, что Бог подобен человеку, с ним можно договориться путем меновой торговли. В противоположность древнему концепту развития человека до уровня Бога новый концепт редуцировал Бога до человека, что было и проще и удобнее. Развитие торговли сгенерировало удобную религиозную концепцию, в которой Бог напоминает иностранца, необычного с виду, но все же человекообразного по природе своей. В поведенческом паттерне торговца в первую очередь стоит получение прибыли, в силу этого торговец — человек без ярко выраженных культурных и культовых доминант, способный подстраиваться и мимикрировать под любую культуру. Сами концепты Бога и его визуализации с тех пор трансформируются в зависимости от местных культурных традиций, оправдывая растущий спрос прихожан.

Таким образом, цели у человека и человечества в Древнем мире были соответствующие концепту: раскрытие божественного замысла и уподобление Творцу по свойствам, дискретная (ступенчатая) модель восхождения до недоступного и временно непостижимого Абсолюта, трансцендентного пространства. Характерной чертой пути каждого человека в Древнем мире был путь раскрытия Абсолюта на каждой ступени постижения мира. Это означало постоянное взаимодействие с высшей силой. Процесс разделения, секуляризации, стал возможен по мере потери ощущения единства и связанности всего сущего. Символически этот период связывается с разрушением Первого (586 году д. н. э.) и Второго (70 год н. э.) Иерусалимских храмов. Параллельно в это время формируется греческая античная философия, в концепте которой указывается иная цель — наслаждение всеми возможными способами тела и разума.

Первая волна греческих философов еще придерживалась идеи единства мира. Фалес продолжает школу Адама (по преданию, Адам оставил учение «Радзиель а-Малах», или «Тайный ангел»), в которой постулируется наличие одной силы в основе всех сущностей и событий. Вторая волна греческих философов, Анаксимен и Анаксимандр, позже Гераклит и Парменид, вносят идею изменения субстанции, создав древнейший дискурс о природе реальности. В античной философии постепенно происходит отделение божественного от мирского. Досократовский период замыкает уже полностью антропоцентрическая концепция Протагора, описанная в одноименной беседе Платона (Платон, Теэтет 152а), о том, что «человек есть мера всем вещам — существованию существующих и несуществованию несуществующих» [3]. Платон, описывая беседы с Сократом, фиксирует секулярную шкалу измерения реальности: «мир идей — мир вещей». Можно предположить, что секуляризация на этом этапе становится идеей, позже облаченной в различные противостояния философско-религиозных концептов. Создается два, по сути, тождественных направления: религия для удовлетворения душевных запросов, обслуживания страхов смерти и болезней, успокоения и политики, но не имеющая ничего общего с древним концептом реальности, и философия — реализующая желания человека изучить природу для собственного развития, а также развития в утилитарно-прикладном смысле, развития технологий, научно-технического прогресса.

В древнем, догреческом мире существовала методика раскрытия каждого последующего уровня неизвестного, абсолютного или трансцендентного с помощью дихотомии «вера — знание». Человек оперировал этими двумя понятиями для раскрытия наиболее общих тенденций развития окружающего мира. До сих пор мы пользуемся в решении задач предположением «допустим», олицетворяющим веру, и «что и требовалось доказать», символизирующим знание.

Рассматривая концепт постсекулярной реальности, мы наблюдаем, как происходит подмена понятий «вера» и «знание» понятиями «религия» и «философия» [2, с. 89—100]. Вера не имеет прямого отношения к религии. Рассматривая концепт веры, можно утверждать, что религия — это частный случай веры. При этом религия возникает в тот момент, когда вера отделяется от знания.

В качестве примера можно рассмотреть ситуацию с Галилеем и его открытием гелиоцентрической модели мира. Очевидный для наблюдателя факт того, что Земля стоит неподвижно, а Солнце восходит слева (для Северного полушария) и заходит справа, является известной иллюзией в современном обществе. Но для начала XVII века переосмысление устоявшейся точки зрения стало болезненно для человека, для общества. Так и сейчас процессы смены концептов реальности требуют приложения усилий, замены всей объяснительной риторики, признания своей ущербности перед огромной Вселенной. Именно поэтому эргономически выгодно верить в результаты чужого опыта, не пытаясь его повторять. Проще сохранять *status quo*, чем признавать свое несовершенство. В религии ситуация выглядит точно так же. Путь раскрытия божественного у основных религиозных персонажей не только труден, не только требует отречения от мирских удовольствий, но еще и трагичен во многих случаях.

Современная галилеевская концепция гелиоцентрической модели во многом подобна религии. Как много людей с оптическим телескопом, калькулятором и учебником по астрономии прошли за учеными их путь? Поэтому вращение Земли вокруг Солнца, как концепт реальности, становится религией в обществе, в котором отсутствует обучение на опыте. Так же можно рассматривать и факт того, что Земля шарообразная. В современном сообществе это не более чем популярный миф, который ввиду своей многолетней навязчивой постоянности требует ребрендинга. В некоторых сетевых сообществах уже возникал скандал, связанный с концептом плоской Земли, со ссылкой на древние знания о ките и трех слонах.

Формирование реальности за пределами профессиональной сферы знаний человека порождает бренды. Г. Л. Тульчинский характеризует брендинг как новую религию [7, с.14] современного постмодерна. В этом смысле религия и брендинг похожи по смыслу, по алгоритму создания концепта реальности. Например, в автомобилестроении разобраться трудно многим людям, поэтому массы именно «веруют» в «мерседес». Если спросить почти любого человека в России: какой автомобиль лучше, «мерседес» или, например, «хёндай»? Если автомобили в одном классе, то опрашиваемый наверняка будет энергично доказывать, что «мерседес». Если же у верующего в какого-нибудь бога спросить, видел ли он Бога, то он ответит — нет,

не видел, но верую, что есть, что говорил Истину и т. д. Так и адепт «мерседеса» верует, что подвеска, двигатель и прочие элементы конструкции «мерседеса» на порядок лучше других автоаналогов, не понимая почти ничего в конструкционных материалах, сопромате, теории машин и механизмов и еще множестве других дисциплин, обладание которыми подводят человека к постижению «мерседеса» в разуме, а не в вере. Отстаивание бренда адептом торговой марки напоминает религиозный фанатизм. Поклонник своего бренда будет агрессивно и абсолютно бесплатно доказывать его превосходство над другими брендами.

Так же и с религией, которая формирует мировоззрение у прихожан с помощью личности, легенды, символов и ритуалов. В догребеский период от мальчика, принимающего первое постижение и заключающего союз с Творцом, требовали знания многих дисциплин, кроме этого он обязан был владеть навыками чтения, что делало большую часть мужского населения грамотными и образованными согласно тем стандартам, разумеется. Далее ученик должен был идти по ступеням постижения, раскрывая законы мироздания или природы до того уровня, который он способен раскрыть в силу своих врожденных качеств.

На примере аллегории в Торе рассказывается о балансе веры и знания. «И отвечал Моше: "Но ведь не поверят они мне..." И сказал ему Творец: "Что в руке твоей?" И ответил: "Посох". Сказал Творец: "Брось его на землю". Бросил он, и обратится тот в Змея — и побежал Моше от него» (Тора, Шмот, 4). Эта история с посохом и змеем символизирует связь разума и веры. Вера выше разума, представляет собой поиск нового и нераскрытого, на нее должен был опираться Моше. Вера, подчиненная и обслуживающая разум, напоминает змея, который не может подняться выше уровня своей компетентности, не способен генерировать реальности и самомотивироваться. Благодаря греческому повороту, секулярность создала и разделила два тождественных института: философию и религию. Если рассматривать постсекулярность как кризис постмодерна, то становится ясно, что и философия, и религия чувствуют себя все слабее и поэтому ищут поддержку на поле соперника, ожидают там возможных ответов. Но в современной постсекулярности война смыслов превратилась в войну за сферы влияния, за целевую аудиторию, за прибыль,

за власть, то есть ушли из того поля концептов и смыслов, для которых и были созданы в античности.

Кризис постсекулярности говорит о глубоких проблемах в этих двух институтах, которые не дают ответа на вопросы, ради которых их создали: существует ли смысл жизни? В чем смысл жизни? Познаваем ли человек и реальность вокруг него?

Античные мыслители совершили «теологический поворот», развернули целеполагание людей от раскрытия замысла Бога и того, что и зачем Он создал, до методики получения чувственных наслаждений в теле и разуме. Спрос сформировал предложение, и Олимп заселили многие десятки божеств из греческого пантеона. Постигание реальности сменилось культом тела, культом человеческой гордой и свободной мысли, культом мудрости.

С этой точки зрения постсекулярность — это естественный конец эллинической концепции секуляризма, человек обрел все желанные чувственные удовольствия, согласно Платону и Сократу, дошел до эпохи потребления и даже постпотребления и наполнился всеми благами человеческой цивилизации, всей возможной мудростью. В эпоху потребления реализуются любые запросы, был бы спрос.

В греческом и более поздних концептах будущего существовала идея реализации желаний. Изначально в этой системе находится дефект, который и привел к её разрушению: генерация желаний не предусматривалась. Религиозные теософы отдали постижение трансцендентного на волю Божественного провидения, тем самым заменив работу по изучению и раскрытию реальности ожиданием чуда. Ожидание чуда не принесло новых идей и желаний.

Ситуация в чем-то напоминает период распада СССР, когда партийная элита генерировала смыслы, а силовая структура умело проводила их в жизнь. С исчезновением КПСС силовики потеряли идеологическую составляющую, продекларировали идеи демократии, не смогли ее воспроизвести и стали наполнять себя и своих близких благами цивилизации.

Согласно гипотезе окончания эллинического периода в развитии человеческого понимания природы и смыслов бытия, религиозно-философский этап носил культуругенерирующую функцию, создавал условия и потенциал для постпостсекулярной концепции бытия, служил скорлупой, оберегающей плод. Культура, как универ-

сальный накопитель человеческого опыта, развивалась в условиях секулярного мира. Для анализа динамики трансформации концептов реальности многие аналитики используют феномен культуры как независимый индикатор случившегося. Культура чутко реагирует на трансформации реальности. В период развития Древнего мира смысл и цель существования человека были направлены на работу по раскрытию окружающего мира. Поэтому, возможно, архитектуре, литературе, изобразительному творчеству и другим видам искусства отводили роль помощника в основной работе. С приходом секулярной концепции произошел разворот в культуре в сторону удовлетворения запросов человека во всех областях: были созданы и развивались жанры и стили, возникли школы и каноны, направленные на человеческие потребности. Культура в современном постсекулярном пространстве также прибывает в кризисе самоидентификации. Постмодерн разрушил каноны, возникла пустота смыслов, требующая наполнения новой идеей. Растет количество смертей от депрессивных расстройств, связанных с потерями смыслов в тех странах, где решена проблема потребления. Эти процессы подобны зерну, которое должно сгнить в почве для того, чтобы пустить новый росток. Вопросам идейного вакуума в культуре, разрушению эстетики в искусстве и осмыслению культурной рефлексии на постсекуляризацию посвящены исследования В. А. Сулимова [5].

С другой стороны, Г. Л. Тульчинский обращает внимание на такое свойство культуры, как ресурс и барьер [6] дальнейшего развития. Окончание ресурсного периода свидетельствует о наступлении реализации потенциала роста. Постмодерн проявил зависимость всех от каждого, рост коммуникаций и их плотность, выстраивание глобальной модели человеческого сообщества.

Логично предположить, что в мире, где человек против своей воли связан со всеми и зависит от всех, его благополучие также зависит от всех. В условиях стагнации экономики попытка продвигать свое благополучие в ущерб другому человеку создает риск возникновения вооруженных конфликтов планетарного характера. Соответственно, переходный уровень будет проходить под флагом *public responsibility*.

Если позволить себе заглянуть в будущее, то логическим продолжением эволюции будет древнее библейское «Возлюби ближнего свое-

го...». Эту идею ответственных публичных коммуникаций передают со времен Моисея как последнюю инструкцию от людей, которые видели весь мир исходя из объединенной, досекулярной концепции бытия.

* * *

1. Авдиев В. И., Вигасин А. А., Дангамаев М. А. История Древнего Востока: учебник / под ред. В. И. Кузищева. М.: Высшая школа, 1979. 456 с. С. 369.

2. Герасимов С. В. Разум и вера: постсекулярность и после. *Философские науки* 12/2013.

3. Лаэртский Диоген. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / под ред. А. Ф. Лосева; пер. с греч. М. Л. Гаспарова, 2-е изд. М.: Мысль, 1986. С. 571

4. Панченко Д. В. Диффузия идей в Древнем мире. СПб.: Фил. факультет СПбГУ, 2013. 320 с.

5. Сулимов В. А. Состояние переходности: «технологический поворот» или утрата смыслов? // *Философские науки*. 2013. № 3.

6. Тульчинский Г. Л. Постимперская культура как ресурс и барьер инновационного развития // *Философские науки*. 2010. № 1. С. 51—72.

7. Тульчинский Г. Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. СПб.: СПбГУ, 2013. С. 14.

8. Узланер Д. Введение в постсекулярную философию // *Логос*. 2011. № 3 (82). 280 с.

9. Хабермас Ю. Постсекулярное общество — что это? Ч. 1 // *Российская философская газета*. 2008. № 4 (18).

10. Agar, Jolyon. Post-Secularism, Realism and Utopia: Transcendence and Immanence from Hegel to Bloch (London and New York: Routledge, 2014).

11. Betz John R. After Enlightenment: The post-secular vision of J. G. Hamann//Oxford: Wiley-Blackwell Pub, 2009.

12. Boscaljon Daniel. Vigilant Faith: Passionate Agnosticism in a Secular World //University of Virginia Press, 2013. 224 pp.

13. Bracke Sarah. «Conjugating the Modern- Religious, Conceptualizing Female Religious Agency: Contours of a 'Post-secular' Conjuncture». *Theory, culture & society*. 25 (2008), p. 51—68.

14. Braidotti Rosi. «In Spite of the Times: The Postsecular Turn in Feminism» *Theory, culture & society*. 25 (2008), p. 1—24.

15. During Simon. «Toward the Postsecular». *PMLA: Publications of the Modern Language Association of America*: 120.3 (2005 May), pp. 876—77.

16. Ferrara Alessandro. The separation of religion and politics in a post-secular society . *Philosophy & social criticism*. 35. (2009), p. 77—92.
17. Ferry Jean-Marc. *La Raison et la foi*. Pocket. Paris. 2016.
18. McClure, John A.. *Partial Faiths: Postsecular Fiction in the Age of Pynchon and Morrison*. Athens, GA: U of Georgia P, 2007. 209 pp.
19. Pabst Adrian , *The Paradox of Faith: Religion beyond Secularization and Desecularization*, in Craig Calhoun and Georgi M. Derlugian (eds), *The Deepening Crisis: Governance Challenges after Neoliberalism* //New York: New York University Press, 2011. pp. 157—82.
20. Parmaksız Umut. *Making Sense of the Postsecular* . *European Journal of Social Theory*. December 15, 2016.
21. Ratti Manav. *The Postsecular Imagination: Postcolonialism, Religion, and Literature*//London and New York: Routledge, 2013. 240 pp.
22. Roberts, Michael Symmons. «Poetry In A Post-Secular Age». *Poetry review*. vol. 98 (London, 2008), p. 69—75.
23. Vries Hent de; Sullivan, Lawrence E.; Ward, Ian. «Political Theologies: Public Religions in a Post-Secular World». *Journal of church and state* 17.50 (2008) p. 150—151.